Прошлое, в конце концов, настигает всех нас... И мы все должны решить, связаны ли мы им.

тук-тук-тук

Джеймс проснулся от трех осторожных постукиваний в дверь, после чего замок с ключом-картой отворился. Дверь открылась, и вошли двое мужчин. Джеймс поднялся в сидячее положение, прислонившись к вертикальной части больничной кровати, на которой он провел ночь.

Справа и слева от него находилось несколько единиц медицинского оборудования, которое использовалось для проверки его состояния, когда он только прибыл, но в остальном комната не выглядела так, как будто она принадлежала больнице. В другой части комнаты стояли стулья, кушетки и столы с журналами, была отдельная ванная комната и небольшая кухня. Как для мест заключения, это было довольно мило. Единственной смущающей особенностью было полное отсутствие окон.

Они закрывали Джеймсу глаза последние пятнадцать минут пути до места, где он сейчас находился. Ему еще не довелось встретиться с девушкой, с которой он говорил по телефону, или с кем-либо из видных деятелей организации "Люмен", но, похоже, это скоро изменится.

Прибыв на место и приведя его в эту комнату, вооруженные люди, взявшие его под стражу, велели ему снять костюм, принять душ и переодеться в свежую одежду. Они также велели ему есть и пить то, что он хочет, и сказали, что на следующий день с ним будет проведен инструктаж.

Наблюдая за двумя новыми странными фигурами, вошедшими в комнату, Джеймс не мог решить, кем он себя чувствует - пациентом или заключенным.

Первый мужчина был поразителен: высокий, подтянутый, с вьющимися золотистыми волосами. Его интенсивные зеленые глаза говорили о том, что он весь в делах; целеустремленный человек, который не терпит дураков. Он был одет в струящийся белый халат с золотыми наплечниками и металлическими застежками, которые шли по линии, идущей по центру груди и торса.

Его белые штаны заканчивались белыми кожаными сапогами. В правом верхнем квадранте его груди была вышита желто-золотая эмблема с изображением солнца. Мужчина держался с достоинством; в нем чувствовалось спокойствие пожилого человека, несмотря на его еще молодые черты лица. Его руки были сцеплены за спиной.

Второй мужчина был ниже ростом и гораздо более громоздким; его мускулатура была видна сквозь черный деловой костюм и белую клетчатую рубашку. На нем были обычные парадные туфли, а в руках он нес портфель и, похоже, сумку для ноутбука. Его глаза закрывала солнцезащитная пара, а на лацкане была приколота золотая эмблема солнца.

Две фигуры остановились, подойдя к краю кровати. Высокий мужчина осмотрел Джеймса с ног до головы, затем его взгляд переместился в сторону, и он заметил ошейник, поводок и костюм, лежащие на спинке стула. Его взгляд вернулся к Джеймсу, и хотя он изо всех сил старался скрыть это, в его пронзительных глазах и напряженной линии челюсти был заметен проблеск раздражения и отвращения.

"Здравствуй, Джеймс. Я отец Олвей, а это Викарий Гайдн", - сказал он, жестом указывая на своего хорошо сложенного спутника. "Мы уже встречались однажды, но я подозреваю, что вы этого не помните?"

"Нет", - ответил Джеймс, сложив руки на груди. Футболка и шорты, которые ему выдали, были обычного белого цвета, за исключением символа солнца в верхней правой части груди.

"Как я и думал..." Отец Олвей взял стул и придвинул его к краю кровати; его помощник последовал его примеру. "Пожалуйста, потерпите нас. Нам многое нужно объяснить".

Джеймс кивнул, когда они заняли свои места, а Гайдн положил вещи, которые нес.

"Я уверен, что все это кажется вам очень невероятным", - продолжал Олвей. "Не только то, где ты сейчас находишься, но и некоторые вещи, которые ты видел за последние... ну, прошел почти год с тех пор, как ты покинул нас".

"Можно сказать и так", - сухо ответил Джеймс, его терпение едва сдерживало вспышку гнева с требованием узнать, какого черта они с ним сделали.

"Нам очень интересно услышать о тех вещах, которые ты видел, но я прекрасно понимаю, что ты захочешь увидеть от нас добрую волю, прежде чем рассказать какие-либо подробности".

Отец Олвей слегка наклонился вперед, опершись локтями на подлокотники и сложив руки в дугу под подбородком.

"Когда мы отправляем людей на такие миссии, как та, которую вы взяли на себя, оперативная безопасность имеет первостепенное значение. Поэтому мы используем таких молодых людей, как вы. Посвященные, которые не были с нами долго, которые не знают никаких секретов и у которых не так много истории, которую нужно скрыть".

"В чем именно заключалась миссия?" вмешался Джеймс.

"Да брось ты! Ты же умный парень. Ты, должно быть, уже догадался. Гайдн, подтверди его подозрения".

Сильный мужчина заговорил впервые. "Проникнуть в Умбру, насколько это возможно для любого человека. Выяснить все, что можно, о них и их планах. Обнаружить их базу

деятельности в этом регионе".

"А если я ничего этого не узнаю? Что тогда?"

"В твоем ментальном программировании был переключатель. Условиями были обнаружение их базы или истечение двух лет. Достижение любого из этих условий заставило бы тебя сбежать при первой же возможности".

"Важно отметить, - заговорил Олвей, - что вы приняли это задание по собственной воле".

"Полагаю, у вас есть способ это подтвердить".

"Конечно", - сказал Олвей, снова жестом указывая на своего помощника.

Гайдн потянулся к сумке с ноутбуком, расстегнул ее и достал тонкий компьютер из чехла. Он поднялся с кресла и поставил ноутбук на передвижной столик слева от Джеймса. Он открыл экран и нажал кнопку питания. Система загрузилась, когда он перекатил стол в поле зрения Джеймса.

Гайдн открыл папку, выбрал видеофайл и нажал кнопку воспроизведения, после чего отступил назад. Появилось изображение Джеймса, сидящего в кабинете. Казалось, что он лежит на кушетке психолога, а доктор разговаривает с ним за кадром.

"Ты ведь знаешь, зачем мы это записываем?".

"Да. Сегодня последний день перед важной операцией. Нам нужно записать что-то для меня, когда все закончится... на случай, если мои воспоминания не вернутся с готовностью".

"И вы готовы пойти на этот риск?"

"Да. Я хочу быть полноправным членом Люмена. Этого хотел бы и мой отец".

"Почему?"

"Папа всегда говорил, что мир полон скрытого зла... и кто-то должен пролить на него свет. Это имеет смысл для меня. Если это лучший способ, которым я могу помочь, то так тому и быть".

"А как же остальные твои друзья и семья? Твоя девушка?"

"Моей мамы не было даже дольше, чем папы. Кроме Хизер больше никого нет. Ей будет тяжело, я знаю, но она понимает... Она меня очень поддерживает. Ее семья тоже связана с

Люмен, поэтому я уверен, что она хочет, чтобы у меня все получилось".

"Ты знаешь, почему тебя выбрали для этой миссии, Джеймс?"

"Кроме того, что я тебе только что рассказал? Нет, но если бы я мог предположить, то это потому, что я дал вам положительные ответы, когда вы меня прощупывали".

Гайдн нажал кнопку "стоп" на ноутбуке, закрыл экран и убрал его со стола. Он сел обратно, и прошли долгие мгновения. За тихим журчанием вентиляционной системы здания можно было услышать, как падает булавка.

"Это было предсмертное желание вашего отца, чтобы вы стали членом нашей организации", - заявил Олвей, откинувшись в кресле. "Я хорошо знал вашего отца. Он был хорошим человеком".

"А откуда мне знать, что вы не промыли мне мозги всей этой историей? Это тоже может быть сфабриковано".

Олвей усмехнулся. "Джеймс, когда дело доходит до изменения сознания, ты можешь "что если?" весь день. Мы говорим тебе правду. Если ты решил не верить нам в этот момент, я пойму. Доверие нужно заслужить. Я бы хотел попросить вас сотрудничать с нами, чтобы помочь восстановить ваши старые воспоминания. Когда ваше прошлое вернется к вам, я думаю, вы поймете, что доверять станет легче".

Глаза Джеймса сузились.

'Или вы просто промываете мне мозги, заставляя поверить в эти "воспоминания", и я буду сотрудничать с вами.'

"А что, если я не хочу возвращать эти воспоминания? Если меня больше не интересует моя прежняя жизнь?"

"Ну, это будет ужасной потерей для Мудрецов Люмена и для женщины, которой вы очень дороги. Мы бы отпустили вас, конечно, после нескольких сеансов подведения итогов с нашей командой". Олвей поднялся со своего места и поправил перчатки. Гайдн последовал его примеру, подхватив свою сумку и портфель. "Но прежде чем вы примете столь весомое решение, я думаю, вы обязаны хотя бы встретиться с Хизер. Она очень долго ждала встречи с вами".

Джеймс непроизвольно сглотнул. Голос, который он слышал по телефону, был, несомненно, знакомым, и он не сомневался, что беспокойство в ее голосе было настоящим. Неужели ей тоже промыли мозги? Неужели они зашли так далеко, чтобы создать прикрытие для подобной операции?

"Справедливо. Я встречусь с ней".

"Хорошо. Ее скоро пришлют. Прежде чем мы уйдем, мне нужно провести простую проверку", - сказал Олвей, подняв одну вытянутую руку и направив ее на Джеймса.

"Проверку? Какую проверку?"

"Это просто чтобы проверить, не затронуты ли вы какой-либо магией Умбры. Все, что может поставить нас под угрозу. Это не причинит ни малейшего вреда".

Джеймс сильно сомневался в намерениях Олвей, но он был не в том положении, чтобы возражать. Кроме того, если этот странный священник действительно собирался совершить какую-то магию, он хотел посмотреть, не похожа ли она на техники Умбры.

"Очень хорошо", - ответил он, разворачивая руки и укладывая их по бокам на кровать. "Делай свое дело".

Олвей закрыл глаза и погрузился в глубокую концентрацию. Он пробормотал несколько неразборчивых слов, и его рука начала светиться бледно-белым светом. Яркость свечения увеличилась, и Джеймс почувствовал головокружение.

"Байонетта...", - внезапно произнес он.

Глаза Джеймса широко раскрылись. Он знал о Госпоже!

Свет завихрился и сконцентрировался вокруг его руки. Несколько мгновений Олвей ничего не говорил.

"Жанна..."

'Какого черта... ?' Джеймс пытался расшифровать свои действия, но чувствовал себя все более слабым, чем дольше продолжалась "проверка".

Олвей молчал еще несколько мгновений.

"Алексия..."

Свет вокруг его руки становился все ярче и интенсивнее. Джеймс напрягся, чтобы не закрывать глаза, умственная усталость стала слишком сильной. Казалось, что он может потерять сознание в любую секунду.

Свет померк, и Олвей вернул руку за спину.

"Хорошие новости!" - объявил он с самодовольной улыбкой на лице. "Ты чист."

Олвей и Гайдн направились к выходу, последний просунул свою ключ-карту в замок, открыл его и вышел. Первый задержался на мгновение.

"С возвращением, Джеймс! Мы скоро снова поговорим. А пока устраивайся поудобнее и наслаждайся воссоединением". Он кивнул Джеймсу с самодовольной ухмылкой и вышел, закрыв за собой дверь.

'Проклятье!'

Теперь, когда Джеймс снова мог думать, он понял, что только что сделал Олвей. Он соскользнул с кровати и начал расхаживать по комнате. Кровь снова потекла, и это помогло бы ему поразмыслить.

'Это был старый трюк "Не думай о слоне".'

Когда вы мысленно предлагаете кому-то что-то, он не может не думать о том, что вы предлагаете. Только если человек не находится в каком-то глубоком медитативном состоянии. Должно быть, Олвей подсказал ему фигуры, которые его больше всего интересовали, а затем порылся в его голове в поисках подсказок.

Очевидно, этого было недостаточно, чтобы получить все, что он хотел, но это не имело значения. Джеймс оказался здесь в ловушке, и если он откажется сотрудничать, то, как он подозревал, "сеансы подведения итогов с нашей командой" будут просто новой промывкой мозгов, и тогда он сделает все, что они захотят.

Чем дольше он оставался здесь, тем большей опасности он подвергался, потеряв всю психическую самостоятельность... снова.

тук-тук-тук

Стук в дверь раздался уже во второй раз за день. Замок со щелчком открылся, и в комнату вошла молодая женщина, которую Джеймс мог только предположить, что это Хизер.

Это была прекрасная молодая женщина с длинными брюнетистыми волосами, ниспадающими на правую сторону головы пышной темной волной. Ее глаза были светлыми, сверкающими сапфирами, которые с каждой секундой становились все более полными надежды, когда она рассматривала Джеймса. Ее руки и плечи были обнажены, темно-синее цельное платье держалось на двух тонких бретельках-спагетти. На шее у нее было шелковое ожерелье с солнечной эмблемой Люмена в центре.

"Джеймс!!!"

Она бросилась к нему так быстро, как только могла на своих каблуках, и обняла его. Ее глаза наполнились слезами, когда ее лицо встретилось с его грудью, ее слезы потекли по его простой белой рубашке. Она обхватила его руками и держала какое-то время, сочетая плач, сопение и смех в безумной радости.

Джеймс не знал, как реагировать. Он не остановил ее, но и не сделал никакого ответного движения. Было ли у них настоящее совместное прошлое или ее воспоминания о нем были фальшивыми, не имело значения. Он никогда не узнает этого наверняка, и теперь у него не было с ней никакой связи. Тем не менее, у него не было желания причинять ей боль. Он отпустит ее так мягко, как только сможет.

http://erolate.com/book/248/8844